

Л.С. Сироткина
ЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ С.И. ПОВАРНИНА В
КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЗМА-
АНТИПСИХОЛОГИЗМА ¹

Анализируется авторский образ логики С.И. Поварнина, выявляются неформальные элементы теории суждений и умозаключений, связи логики и психологии, логики и мышления; дается оценка логического учения Поварнина в контексте антитезы "психологизм – антипсихологизм", оценивается вклад Поварнина в педагогику логики.

The author's image of logic is analyzed. The author extracts the non-formal elements of the Povarnin's logical theory and connection between logic and psychology, logic and thought. Evaluation of Povarnin's logical doctrine in the context of "psychologism – anti-psychologism" contraposition is given; his contribution in the pedagogy of logic is evaluated.

Ключевые слова: учение С.И. Поварнина, авторский образ логики, дескриптивность логических форм, наивный психологизм, педагогика логики.

Keywords: Povarnin's logical doctrine, author's image of logic, naive psychologism, descriptiveness of logical forms, pedagogy of logic.

В плееде известных отечественных университетских логиков конца 19 – начала 20 века С.И. Поварнин не занимает центрального места. Он не стал основателем или продолжателем логической школы, его идеи не были существенным образом развиты последователями. Однако его вклад в российскую науку и образование заслуживает исследовательского внимания и вы-

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-03-00564 "Проблема психологизма в логических учениях второй половины XIX- начала XX века (Англия, Германия, Россия)".

зывает интерес: Поварнин существенно изменил теорию умозаключения и уделял огромное внимание практической ориентации логики, ее преподаванию как средству совершенствования познавательной деятельности личности, создав не только авторскую концепцию логической науки, но издав практикоориентированные учебники.

В контексте исследования проблемы психологизма/антипсихологизма логических учений конца 19 — начала 20 вв. в данной статье поставлены и решаются следующие задачи:

1. Реконструировать авторский образ логики.
2. Выявить и охарактеризовать эксплицитно или имплицитно сформулированные автором связи логики и психологии, логики и мышления.
3. Интерпретировать выделенные связи в контексте антитезы «психологизм — антипсихологизм» логического учения.

Авторский образ логики²

С.И. Поварнин рассматривает логику как «часть науки о знании» [4, с. 4]. Поскольку знание состоит из истинных систематизированных мыслей, а методы приобретения и проверки знания — это методы мышления, то логика — «наука о правильном мышлении, о формах и законах мысли»³ [4, с. 10]. Ее задачи он формулирует следующим образом:

1. Создать «морфологию знания»: выявить существующие его формы, проанализировать и свести к элементарным формам, классифицировать их.

² См. подробнее о понятии «авторский образ логики»: В.С. Попова Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века [8, с. 83–105].

³ В более ранней работе («Общее учение о доказательстве») Поварнин характеризует логику как «науку о приемах мышления, с помощью которых человеческий ум стремится достигнуть познания сущего» [6, с.3].

2. Установить, с помощью каких методов добывается знание, проанализировать и классифицировать их [4, с. 4]. Несколько ранее, в работе «Общее учение о доказательстве» та же задача формулировалась конкретнее и заключалась в сборе, анализе, раскрытии сущности, классифицировании приемов познания, обнаружении лежащих в их основе законов, формулировании условий правильности [6, с. 3]. В качестве первоочередной задачи формулируется создание новой теории и классификации умозаключений [6, с. VIII]. Анализ признаков и условий истинности знания, изучение «области заблуждений» — еще одна составляющая данной задачи логической науки [4, с. 4].
3. Применить теоретические сведения о знании к практике — «изложить и приспособить правила логики так, чтобы их легче и удобнее всего было применять к практике», «указать главные технические приемы» рассуждения, выяснить «внешние условия успешного доказывания» и т.п. [6, с. VIII]

В соответствии с задачами С.И. Поварнин формулирует тройственную концепцию логической науки, которая представлена: гносеологической логикой, изучающей важнейшие вопросы теории познания; теоретической логикой, разрабатывающей вопросы теории умозаключений и доказательств; прикладной, или практической, логикой, обеспечивающей применение логической теории в практике рассуждения.

Помимо приведенного членения логической науки на перечисленные относительно самостоятельные области автор выделяет логику общую и «логики отдельных наук» [6, с. 3]. Основанием для этого является характер исследуемых приемов мышления: общие

приемы, осуществляемые «на каждом шагу» (Поварнин) как в обыденном, так и в научном мышлении есть предмет общей логики, а специфические, используемые в отдельных отраслях познания (физике, химии и т.д.) – предмет частных⁴.

Существенным для С.И.Поварнина и подробно обсуждаемым на страницах «Введения в логику» является вопрос о взаимоотношениях логики и других наук: гносеологии, психологии, логики (теории исчислений). В целях нашего исследования рассмотрим два последних.

Весьма категорична позиция С.И. Поварнина в отношении так называемой «логистики», или теории исчислений. Подчеркивая тот факт, что логистика имеет логическое происхождение (а именно, объектная логика, применяя метод исчисления, «обращается» в логику [4, с. 16]), Поварнин утверждает, что она настолько приближается к математике, что логикой уже никак считаться не может [4, с. 51]. Ключевые различия, определяющие однозначную, в интерпретации автора, демаркацию данных наук, заключаются в следующем:

Характеристики	Логика	Логистика
Тип науки	Субъектная либо объектная [4, с. 14]	Объектная
Предмет исследования	Рассуждения в единстве содержания и формы («Рассуждая, мы все время созна-	Формы рассуждений («исчисление очень отличается от рас-

⁴ Здесь явно просматриваются параллели с Кантовым делением логики на логику общего и частного применения рассудка. Однако в текстах Поварнина ссылки на труды Канта практически отсутствуют, а его обращение к опыту как источнику логического знания дает некоторые основания предполагать, что в авторском делении логики имеет место не прямое заимствование идей немецкого ученого, а результаты собственных исследований логических явлений.

	ем содержание посылки и связываем их по содержанию» [4, с. 16])	суждения... мы совершенно не отдаем себе отчета в содержании символов» [4, с. 16])
Задачи	Исследовать существующее знание и существующие методы ⁵	Творить в общем новые методы
Приемы работы	Наблюдение и объяснение «Метод, которого необходимо держаться при построении теоретической логики, ни в коем случае не должен быть лишь «математическим» или вообще строго «дедуктивным»» [6, с. X].	Дедукция, искусственная символика исчисления

Несколько сложнее установить столь однозначно и явно не зафиксированные в текстах связи логики и психологии в том виде, как понимает их автор: Поварнин не характеризует свою позицию, а, скорее, обсуждает имеющиеся. Для разъяснения данного вопроса немаловажное значение имеет проводимое С.И. Поварниным разграничение логик субъектной и объектной. В объектной, «которая совершенно отвлекается от понятия процесса мышления», «отсутствует» субъект познания, что сразу исключает какие-либо связи с психологией [4, с. 14]. Иная ситуация складывается, если речь идет о субъектной логике (которая

⁵ Здесь и далее в таблице использованы авторские формулировки.

«имеет дело с актами или процессами мышления» [4, с. 14]), в предмете которой так или иначе представлен познающий субъект. В зависимости от типа представления субъекта (эмпирический или трансцендентный — гносеологический) возникают две ее разновидности: непсихологическая субъектная логика и психологистическая, рассматривающая процессы мышления как эмпирические проявления душевной жизни и относимая автором к психологизму как направлению в логической науке [4, с. 14]. Именно психологистическую логику С.И. Поварнин включает в контекст отношений с психологией, подчеркивая угрозу превращения ее в часть психологии (Н.Я. Грот, Т. Липпс). В тексте «Введения в логику» относительно четко обозначена позиция автора в отношении утраты психологистической логикой собственного лица: С.И. Поварнин подчеркивает необходимость отделения ее от психологии мышления. Аргументация выстроена на выведении из факта нивелирования границ двух наук абсурдного положения о возможности возникновения генетической логики и биологической логики [4, с. 16]. Таким образом, можно предполагать, что ученый проводил четкую грань между логикой (в том числе субъектной) и психологией как самостоятельными областями знания. По текстам довольно сложно судить об авторской интерпретации различий между данными науками, поскольку прямого обсуждения данной проблемы не обнаруживается. Однако с определенной долей вероятности можно говорить о том, что позиция Поварнина совпадает со взглядами на данную проблему его учителя А.И. Введенского. В этом случае различие между логикой и психологией заключается не в предмете исследования, а в задачах: если психология изучает мыслительный процесс в том виде, в каком он имеет место в индивидуальном познании, то логика дает оценку целесообразности и

правильности используемых при развитии знания приемов мышления [4, с. 23]. В пользу данного тезиса говорит и высказывание самого Поварнина относительно задач двух наук: «... возникают для мышления два рода связей: связь мысли, как части познаваемой реальности, с другими явлениями последней; связь мысли, как части познания, с другими частями последнего. Изучение первого рода связи входит в задачи психологии; изучение второго рода связи является задачей логики» [6, с. 12].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в авторских изданиях по логике и психологии А.И. Введенский и С.И. Поварнин характеризуют связи данных наук, подчеркивая различия их предметов. Возникает закономерный вопрос: что является причиной столь пристального внимания ученых к взаимоотношениям двух отраслей знания, побуждающего авторов даже в учебных пособиях для студентов проводить границу между логическим и психологическим абрисами мышления. Педагогически закономерное намерение в явном виде отразить связи между ними? Стремление предупредить упреки в «смешении» предметов этих наук? «Генетическая» связь между логикой и психологией в изучении мышления? Каковы основания тесной «увязки» логики и психологии в науке того времени? Кроются ли они во влиянии интенсивно развивающейся в конце 19 – начале 20 века психологической науки на логические учения? Или, напротив, логика служит «поставщиком» необходимой информации о мышлении для молодой, только еще обретающей свое содержание психологии? Учитывая специфику отечественной университетской науки рубежа веков [9], ответ, вероятно, следует искать несколько в иной плоскости.

Во-первых, психология и логика преподавались как части философии, фактически представлялись как ее разделы, составляли единую научную область.

Во-вторых, внутри нее логика и психология имели, к тому же, один объект исследования, в качестве которого выступало мышление. Мышление с момента зарождения логики являлось объектом этой науки. Но во второй половине 19 века серьезно заявила о себе и стала набирать огромные по темпу развития обороты психология, которая также (и совершенно справедливо) претендовала на тот же самый исследовательский объект. С одной стороны, фактически одна наука, один объект исследования и, кроме того, зачастую одни и те же специалисты, исследовавшие проблемы и логики, и психологии! С другой стороны, очевидное осознание того факта, что это самостоятельные науки, имеющие собственные историю, методы (в тот период активно развивался и внедрялся в практику психологических исследований метод эксперимента, причем, в первую очередь, лабораторного), специфические задачи и, конечно, предмет. Однако знания о мышлении как психологическом феномене в тот период были еще крайне ограничены и по объему, и по глубине проникновения в сущность этого познавательного процесса [2]. Таким образом, вычленение, дифференциация в рамках одного объекта — процесса мышления — тех сторон, аспектов, которые должны были однозначно и четко разграничить предметы логики и психологии, с одной стороны, являлось необходимым условием дальнейшего самостоятельного развития на российской почве логических и психологических исследований, связанных с феноменом мышления, а с другой стороны, — было весьма затруднительно в том общекультурном и научном контексте, в условиях которого занимались наукой и образованием С.И. Поварнин и его современники. Таким образом,

есть основания рассматривать специфичное для российского культурного пространства рубежа 19 и 20 веков состояние взаимосвязей логики и психологии мышления как закономерный этап развития науки — этап постепенной дифференциации исследовательских областей данных отраслей знания⁶.

Нормативность – дескриптивность логики в интерпретации С.И. Поварнина

Для определения принадлежности логического учения Поварнина к тому или иному варианту психологизма-антипсихологизма следует рассмотреть авторскую позицию в отношении нормативности логики. Известны два варианта интерпретации проблемы нормативности логики: логика нормативна либо дескриптивна по отношению к мышлению, логические структуры и процедуры несводимы либо сводимы к его структурам и процедурам [1, с. 44]. Вопрос о нормативности логики в работах Поварнина ставится в контексте представления (не обсуждения) проблем развития логической науки и не анализируется [4, с. 21–24]. В явном виде авторская позиция не представлена, однако, может быть с определенной степенью точности установлена по ряду текстовых свидетельств.

Аргумент 1. Что первично для Поварнина: нормы логики, которым подчиняется мышление, приобретаемая свойство логичности, или логичное мышление, признаки которого фиксируются и исследуются логикой? С.И. Поварнин рассматривает мышление как подчиненное закону «основания и следствия»: каждая мысль, за исключением аксиом, постулатов и суждений непосредственного восприятия, «необходимо сле-

⁶ Такого рода соображения, только в отношении взаимосвязей логики и гносеологии, приводит и сам Поварнин во «Введении в логику» [4, с. 8].

дует» из других мыслей⁷. Именно такое мышление он называет логическим. Отсюда следует: «Каждое мышление, в котором отсутствует это свойство мысли, не есть логическое. Это «бессвязное» мышление» [6, с. 14]. Ответ на наш вопрос просматривается со всей очевидностью: мышлению как способу познания действительности, в которой действует закон причины и следствия, имманентно присущи логические (то есть связи основания и следствия) связи. Логика, как наука о правильном мышлении, о законах мысли, выявляет, фиксирует и исследует эти «естественные» связи мыслей и, таким образом, является дескриптивной по отношению к мышлению.

Контраргумент. В естественном мышлении, в том числе логическом, распространены различного рода ошибки, по причине которых возникает область «мнимого знания» — область заблуждений [4, с. 4]. Не противоречит ли факту «встроенности» логики в мышление положение о возможных ошибках рассуждений?

Разрешение. Вероятно, нет: ошибки проистекают либо из использования ложных посылок, либо из неверной последовательности мыслей. В первом случае законы мышления не нарушаются: «по закону основания и следствия и ложная мысль, в логическом мышлении, имеет свои основания» [6, с.14]. Во втором не нарушается сам закон логического мышления — нарушаются правила, которые регулируют условия, позволяющие получать истинное знание из истинных посылок. Поэтому в задачи логики и входит выявление и изучение возможных заблуждений естественного мышления.

⁷ Очевидно, что данное положение, относящееся в учении Поварнина, к основаниям логики, определяет его интерес к умозаключению как важнейшей части логической науки.

Аргумент 2. Одно из подтверждений мы обнаруживаем, реконструируя рассуждение автора относительно основного метода логики. Обозначая проблему: рациональная или эмпирическая наука логика («играет ли в ней преобладающую, решающую роль опыт (наблюдение) или же наблюдение в ней имеет лишь второстепенное значение» [4, с. 26]), – Поварнин формулирует следующие положения:

- эмпирическая логика не может установить необходимость логических законов и норм;
- рациональная логика «совершенно недостаточна, если мы поставим одной из задач логики изучение реально существующего знания, постоянно увеличивающейся сложности его форм» [4, с. 28].

Но, как известно, первоочередную задачу теоретической логики И.С. Поварнин усматривал именно в сборе, анализе, классификации существующих форм рассуждений [4, с. 4]. Очевидно, поэтому, что логика, претендующая на всестороннее полное исследование своего предмета – форм правильного мышления, не может обойтись без эмпирических методов (без наблюдения).

Контраргумент. При анализе авторских текстов обнаруживается, однако, и иное понимание основной задачи теоретической логики. Она заключается в «открытии и установке» законов логической связи мысли «путем исследования умозаключений» [4, с. 30]. Но решение данной задачи может быть достигнуто рациональными методами: только рациональная логика, не использующая наблюдения над реальным знанием, «имеет право претендовать на необходимость и общезначимость своих положений» [4, с. 28].

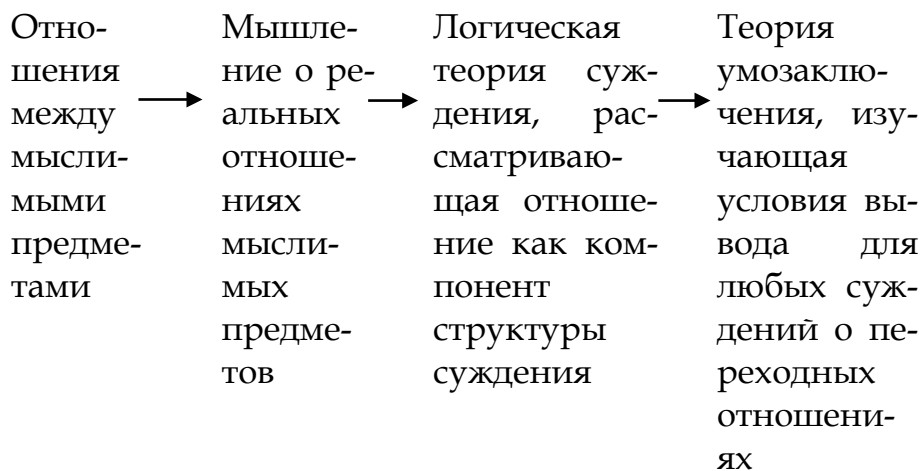
Разрешение. Разрешение видимого противоречия не следует искать на путях разграничения различных уровней анализа логики. Поварнин выделяет тео-

рию логики (методологию логики — в современной интерпретации) и собственно теоретическую логику, однако, обе сформулированные им ключевые задачи логической науки — и сбор и классификация форм мысли, и установление законов связи мыслей в умозаклучениях — относятся им к теоретической логике. В то же время, внутри нее выделяются, своего рода, два уровня исследования: метауровень теории форм мысли, в том числе умозаклучений (задача 1), задачи которого решаются эмпирическими методами, и уровень исследования связей мыслей (задача 2), осуществляемого средствами рациональными. Если данное заключение верно, то метауровень исследования умозаклучений носит дескриптивный характер, а уровень изучения структуры умозаклучения, правил связи мыслей — нормативный в смысле установления норм, правил, которым должно подчиняться логическое мышление, ориентирующееся на поиск истинного знания.

Аргумент 3. Рассмотрим способ решения С.И. Поварниным вопроса о построении системы форм мыслей (умозаклучений). Исходную научную установку ученый прямо выражает, анализируя проблемы современной ему логики: созданная Аристотелем теория силлогизмов не может удовлетворить исследователя в силу ограниченности объема естественного мыслительного материала, подвергаемого логическому анализу («Самый важный недостаток его («старинного ... учения о умозаклучениях» — Л.С.) тот, что оно не может объяснить множества умозаклучений, несомненно играющих огромную роль в мышлении и познании» [4, с. 31]). Эти умозаклучения весьма распространены в естественном мышлении, дают действительное приращение знания, однако, не рассматриваются традиционной логикой. Значит, делает вывод Поварнин, логику необходимо изменить,

включив в ее содержание и объяснив такие — несиллогистические — умозаключения. Что является источником новой теории, предполагающей их научную, полную классификацию? Опыт — таков ответ ученого: «Логика изучает существующие уже и вновь появляющиеся методы и формы знания, значит, основывается на опыте» [4, с. 48].

Эмпирическую задачу классификации умозаключений С.И. Поварнин считает необходимым решать на ином, по сравнению с традиционной теорией умозаключений, базисе, в качестве которого выступает основанная Морганом «логика отношений»: «... теоретическая логика должна быть ... «логикой отношений», совпадающей с «естественной логикой»» [6, с. XIV]. Критикуя традиционную логику, предполагающую построение умозаключений на основе формальных отношений между понятиями, составляющими субъекты и предикаты посылок, Поварнин подчеркивает ее «отдаленность» от «действительных отношений мыслимых предметов» [4, с. 38]: атрибутивных, причинных, отношений родства и т.д. Развивая мысль о способе построения исчерпывающей теории умозаключений, он отмечает, что недопустимы попытки свести все разнообразие реальных отношений к какому-либо одному типу: «Надо признавать их все в том виде, в каком они мыслятся». Следовательно, «... есть столько видов умозаключений, сколько есть видов переходных отношений» [4, с. 41]. Возникает следующая связь между логической онтологией, познанием и логикой:

Итак, по отношению к первой из выделенных задач логика, со всей очевидностью, представляется Поварниным как дескриптивная наука, имеющая в качестве не только своего объекта, но источника развития опыт — наблюдение за развивающимися способами мышления, и является явно психологистски ориентированной.

Аргумент 4. Как решается вопрос о связях мыслей (суждений) в структуре умозаключений? С точки зрения принятого нами аналитического контекста (дескриптивна или нормативна логика) имеет значение выяснение природы этих связей: рациональное, исходящее из свойств логических объектов, или эмпирическое — предоставляемое опытом правильного мышления? Иными словами, необходимо определить, каким образом Поварнин устанавливает способы построения правильных умозаключений различных видов (например, в рядовых из целых единств, причинных или генетических)?

В авторских текстах не обнаруживается рефлексия над методом анализа умозаключений. И.С. Поварнин специально даже не обосновывает выбор представляемых в его основной работе видов умозаключений, описывая их виды и правила формулирования

выводов. Не исключая риска дать неточное истолкование метода анализа, назовем некоторые содержащиеся в текстах косвенные свидетельства использованного автором метода анализа.

Во-первых, рассматриваемые С.И. Поварниным типы и виды умозаключений, по его собственному уверению, являются весьма распространенными в естественном мышлении, а данный факт устанавливается только эмпирически. Во-вторых, характеристики умозаключений различных видов: представление их видов, возможных фигур, условий правильности — носят описательный характер и, в большинстве случаев, высказываемые положения не аргументируются. Некоторые обоснования фрагментов теории умозаключений имеют явно опытное происхождение [6, с. 162–170]. Кроме того, способ представления возможных форм правильных умозаключений никак не формализуется, логическая символика практически не используется С.И. Поварниным. В-третьих, многочисленны случаи обращения к опыту мышления (в частности, при анализе условных и причинных умозаключений [6, с. 159–161, 173]) и, более того, некоторые правила (например, правило изменения качества меньшей посылки в фигурных умозаключениях) вводятся «как удобные на практике» [6, с. 153].

И, очевидно, самым «сильным» аргументом в пользу эмпирического происхождения логических норм в области теории умозаключения является то обстоятельство, что целый ряд описываемых Поварниным процедур, так же как и основания теории умозаключений (учение о суждении), носят явно неформальный характер. Остановимся на их характеристике.

К категории неформальных следует отнести все ключевые положения теории суждения С.И. Поварнина.

1. Неформальным является понимание сущности суждений. Поварнин не принимает интерпретацию структуры суждения как связи между понятиями — логическим подлежащим и логическим сказуемым; суждение, в котором мыслится относительное звено, по мнению ученого, имеет соответствующее строение и включает субъект, отношение и объект [5].
2. Специфика понимания сущности суждения приводит фактически к отказу от формализации такого рода мыслей: Поварнин анализирует естественноречевые варианты выражения суждений, не приводя их к каким-либо универсальным формам, в том числе и в вопросе о квантификации субъекта и объекта суждения. В отличие от принятых форм кванторов, в качестве них ученый рассматривает фактически любые указания на количество (включая выраженные количественными числительными).
3. В основе многих авторских классификаций суждений лежат различные неформальные основания:
 - а) содержательный тип отношения, мыслимого в суждении, по которому суждения подразделяются на атрибутивные, количественные, причинные и др. [6, с. 50].
 - б) тождественность содержаний, в зависимости от которой суждения оказываются совместимыми или несовместимыми [6, с. 64];
 - в) характер мыслимого отношения, определяющий, постоянным или непостоянным будет являться общее суждение [6, с. 46].
4. Отношения между простыми суждениями, а именно равнозначность-неравнозначность, определяются их содержанием: все суждения, в которых мыслится одно и то же относительное

звено, вне зависимости от способа их выражения (от формы), относятся Поварнинным к категории равнозначных [6, с. 43]. Весьма показательным в этом отношении является рассуждение ученого относительно способа выражения посылок в умозаключении. Приведем его целиком: «... большую посылку можно выразить самыми различными способами: в форме разделительного предложения «Х или монах, или артист, или военный министр»; в такой форме: «если Х артист, то он не монах и не министр»; или «монашество, профессия артиста и должность военного министра исключают друг друга» и т.п. Надо помнить, что для логики важна сущность мысли, а в каком предложении или в скольких предложениях она выражена — безразлично» [6, с. 68]. Таким образом, тождественными признаются не только различные типы сложных высказываний, но даже простое и сложные, выражающие одно и то же относительное звено.

5. И наконец, неформальными оказываются некоторые процедуры с суждениями и основанные на них умозаключения, например обращение. Обращение Поварнин связывает не только со сменной положений мыслимых в суждении объектов, но и самого отношения: если А — причина В, то при обращении получаем: В — следствие А. Такого рода процедуры носят, скорее, грамматический характер, а отнесение их к логическим едва ли имеет какие-либо основания.

Следствием неформального подхода к основаниям теории умозаключений являются неформальные элементы в самой этой теории, например, при характеристике причинных и условных умозаключений, умозаключений на основе обращения суждений.

Вполне осознавая ограниченность аргументации и признавая решение поставленной проблемы только вероятно правильным, сформулируем следующий вывод:

- по происхождению правила построения умозаключений дескриптивны, т.к., будучи свойствами логически правильному мышлению, вычлняются на основе анализа широко распространенных естественных рассуждений;
- по отношению к практике мышления данные положения нормативны, т.к. предоставляют познающему действенное средство построения правильных умозаключений на основе следования установленным предписаниям.

Завершая анализ логического учения Поварнина с точки зрения дескриптивности/нормативности отношений между логикой и мышлением, отметим, что по всем выделенным позициям авторская теория должна быть отнесена к категории дескриптивных, что лишней раз подчеркивает ее психологистскую направленность.

С.И. Поварнин не оценивал ни собственное учение, ни теории других русских логиков с точки зрения проблемы психологизма. Однако анализ его трудов дал достаточные и непротиворечивые основания для категоризации его логической теории как наивно-психологистской [1, с. 44] в связи с тем, что, с одной стороны, он подчеркивал самостоятельность логики и настаивал на ее отделении от психологии, а с другой, выстраивал логическую теорию как дескриптивную по отношению к мышлению. Нужно отметить, что методологические установки Поварнина не были оригинальными для отечественной логики рубежа 19 – 20 вв.: следуя русской традиции, ученый, несмотря на признание важности и значимости «логистики», счи-

тал ее связь с реальным мышлением слишком слабой, а возможности ограниченными.

Если психологизм в логике на российской почве можно рассматривать как своего рода препятствие в поступательном движении логической науки, то психологизм в педагогике логики как ориентация на подчинение педагогической практики психологии обучения и обучающихся, напротив, — как мощное средство развития логического образования и распространения логических знаний, логической культуры среди широких масс. В этом смысле заметно выделяется на общем фоне педагогика логики Поварнина, обозначившая самые лучшие и передовые стороны в незначительной работе — «Логическом задачнике». Текст книги, несмотря на практический характер и небольшой объем, предоставляет замечательные свидетельства передовой педагогической мысли С.И. Поварнина, знания психологии обучения, богатейшего, глубоко осмысленного и творчески переработанного опыта преподавания логики.

В тот период, когда педагогика носила консервативный, авторитарный характер и основывалась на объяснительно-иллюстративных методах, Поварнин реализовывал подходы и принципы, имеющие и в наши дни современное звучание. Во-первых, деятельностный подход к преподаванию логики и принцип активности, предполагающие «как можно больше работы для логического анализа» [7, с. 3]. Во-вторых, принцип доступности, строго соблюдаемый автором при подборе практического материала («возможно меньше сторонних трудностей» [7, с. 3]). В-третьих, принцип последовательности, предполагающий постепенный переход от менее к более сложному материалу. Какие педагогические решения лежат в основе высокопрофессионального, актуального и в наши дни

подхода С.И. Поварнина к организации образовательного процесса?

В первую очередь, преобразование содержания учебного материала. В отличие от других логиков — педагогов [3], Поварнин, выделяющий практическую логику как относительно самостоятельную ветвь логической науки, последовательно решает задачу «приспособления ее правил» таким образом, чтобы их удобно (и результативно) было использовать в практике мышления. Ведущим педагогическим средством здесь оказывается расширение традиционного содержания разделов логики за счет представления способов и алгоритмов осуществления логических процедур, в том числе алгоритмов поиска ошибок [7, с. 47, 63, 75], которые обеспечивают поэтапное формирование соответствующих интеллектуальных структур [10, с. 198–219].

Кроме того, тщательный целенаправленный отбор и систематизация задач и упражнений, позволяющий решить сразу несколько чрезвычайно значимых педагогических задач. Во-первых, эффективное формирование логических умений и навыков в процессе решения подобранных в соответствии с уровнем сложности и важности темы задач. Во-вторых, обобщение формируемых логических процедур за счет распространения их на широкий круг задач различного предметного содержания, подобранных таким образом, чтобы были приняты во внимание все типичные изменения конкретной логической формы. В-третьих, создание и поддержание положительной мотивации учения и мотивации достижений при изучении логики за счет привлечения доступного житейского материала.

И.С. Поварнин не был профессиональным психологом, однако, его понимание психологических основ обучения, психологических условий, способству-

ющих его оптимизации, внушает глубокое профессиональное уважение: ученый-педагог не только выстраивает обучение на основе важнейших психологических принципов, но учитывает возрастные и индивидуальные психологические особенности обучающихся. Так, например, предлагая учебный материал для предупреждения логических ошибок, Поварнин анализирует типичные логические недочеты, свойственные детскому мышлению и логически плохо организованному взрослому [7, с. 47–48]; описывает наиболее распространенные психологические затруднения, возникающие при изучении тех или иных вопросов логики [7, с. 16, 49]; приводит разъяснения, порождающие мотивацию логической деятельности [7, с. 50].

Характерный для И.С. Поварнина психологизм в преподавании логики, являющийся, очевидно, следствием психологизма его логического учения и научных установок, — свидетельство не только педагогического таланта русского ученого, но и прогрессивности русской научно-педагогической мысли.

Список литературы:

1. Брюшинкин В.Н. Логика. Мышление. Информация. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988.
2. Введенский А.И. Лекции по психологии. С-Петербург: тип. В. Безобразов и Ко, 1908.
3. Лосский Н.О. Сборник элементарных упражнений по логике. Петроград: «Наука и школа», 1920.
4. Поварнин С.И. Введение в логику. Петроград: «Наука и школа», 1921.
5. Поварнин С.И. Логика отношений, ее сущность и значение. Спб., 1917.

6. *Поварнин С.И.* Логика. Общее учение о доказательстве. Петроград, 1916.
7. *Поварнин С.И.* Логический задачник (пособие по изучению логики в объеме средней школы). Петроград: Изд-во О.В. Богдановой, 1916.
8. *Попова В.С.* Спор о логике в университетской философии. Санкт-Петербурга начала XX века. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
9. *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003.
10. *Сироткина Л.С.* Практическая логика в университетской науке Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX в. // Рацио. Электронный журнал. Выпуск 8. Калининград. 2012. С. 198 – 219.

Об авторе

Сироткина Людмила Сергеевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, lyusir.ru@mail.ru.

About author

Dr. Lyudmila S. Sirotkina, Assistant Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, lyusir.ru@mail.ru.